

ЗЛОДЕИ

НА

АУТСОРСЕ

ЭЛ РОСЬЯР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эл Росьяр
Злодей на аутсорсе

«Автор»

2026

Росьяр Э.

Злодей на аутсорсе / Э. Росьяр — «Автор», 2026

Светлая Церковь нанимает Тёмного Архизлодея IV категории, чтобы страх оставался управляемым, а вера — платёжеспособной. Он работает по контракту: жжёт деревни не до конца, проигрывает героям красиво и не допускает лишних жертв. Проблемы начинаются, когда зло оказывается эффективнее пропаганды. Народ верит Злодею, бояре ведут переговоры напрямую, а Свет теряет авторитет. Это история о профессионализме, репутации и том, что даже у зла есть стандарты качества. P.S. когда имеешь дело с Церковью, лучше запастись лояльным златовласым паладином, который прикроет твой... тыл.

© Росьяр Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

[Пролог]	5
[Глава 1. Лицензия на зло]	7
[Глава 2. Светлый кабинет и тёмный договор]	10
[Глава 3. Условия, мелкий шрифт, некромант]	14
[Глава 4. Первая деревня по регламенту]	20
[Глава 5. Герои, которых нельзя убивать]	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эл Росьяр

Злодей на аутсорсе

[Пролог]

Дым над деревней Увальное стлался не живописной багровой пеленой, а какими-то жалкими серыми клочьями, будто чадила не дотла сожжённая церковь, а забытая на углях похлёбка. С башни монастырского флигеля Верховный Иерарх Севериан Люксариус наблюдал за этим безобразием, и его тонкие, безукоризненно сложенные пальцы слегка постукивали по холодному камню парапета. Ритм был ровным, как тиканье дорогих карманных часов. Раздражённым был только взгляд.

Внизу, на закопчённой площади, метался его нынешний «Тёмный Угнетатель». Некто Балгор Пустозвон. Без категории. Статус: «Испытательный срок». Сейчас он, размахивая кривой алебардой, гонялся за курицей, которая, судя по всему, представляла в его глазах последний оплот светлого сопротивления. Несколько крестьян, вместо того чтобы в ужасе разбежаться, стояли поодаль и... ухмылялись. Один даже что-то кричал про «забулдыгу горбатого».

— Отчёт о прямых убытках, — произнёс у него за спиной тихий голос помощника. — Сгорело два амбара, один из них пустой. Повреждена кровля часовни. Упущена и ранена курица. Психологический эффект: кратковременное замешательство, переходящее в... насмешку.

Севериан не обернулся. Он видел. Он всегда видел.

Балгор был найден полгода назад в кабаке «У Дрыхлого Дракона». Он хвастался, что может «напустить порчу на целую отару». Его взяли от безысходности. Предыдущий контрактник, Архизлодей III категории, внезапно вышел на пенсию по состоянию души, заявив о «кризисе идентичности». Оставшийся без управляемой угрозы регион начал буксовать: жертвоприношения падали, паломничество сокращалось, народ, лишённый катарсиса предсказуемого ужаса, начал скучать и придумывать ереси. Нужна была замена. Быстрая.

Балгор оказался катастрофой. Он не понимал базовых принципов. Он жег лишнее и не дожигал нужное. Его монологи были бессвязны и полны грамматических ошибок. Похищенную им дочь мельника он через два дня вернул обратно, потому что она «слишком много жрала и материлась». Вместо благородного страха он сеял циничное веселье. Вместо того чтобы консолидировать паству вокруг Церкви, он дискредитировал саму идею угрозы.

И самое главное — его нельзя было просто уволить. Нельзя было отозвать лицензию и отправить в небытие. Потому что народ уже видел его. Видел это жалкое, бездарное шоу. Если бы он бесследно исчез после такого провала, это стало бы последним гвоздём в крышку гроба авторитета Церкви. Получилось бы, что Свет не победил Тьму — он просто выгнал с позором плохого актёра. Это было неприемлемо. Нужен был красивый, эпический уход старого зла и приход нового. Смена декораций. Апгрейд угрозы.

Балгор внизу, наконец, поймал курицу и, торжествующе взметнув её над головой, поскользнулся на навозе и грохнулся навзничь. Раздался сдержанный хохот.

Палец Севериана резко остановился.

— Список косвенных потерь? — спросил он, и его голос был тише шелеста пергамента.

— Падение десятины на семнадцать процентов по округе, — немедленно откликнулся помощник. — Три запроса от боярских родов с требованием «вернуть прежний, качественный ужас». Распространение трёх новых суеверий и одной секты, утверждающей, что «истинное зло выродилось». Репутационный ущерб... не поддаётся точной оценке.

Севериан медленно отвернулся от окна. В его золотых, лишённых тепла глазах отражалось не разочарование, а холодный, чистейший расчёт. Эмоции были статьёй непредвиденных расходов, и он давно вывел их за скобки.

Ошибка была в подходе. Они пытались сэкономить, взяв сырой, дешёвый материал. Но страх — не товар первой необходимости. Это продукт премиум-класса. Его нельзя производить кустарно. Нужен не фанатик, не психопат-самоучка. Нужен технолог. Инженер. Менеджер. Который понимает, что деревня — не цель, а театральная площадка. Что герои — не враги, а партнёры по спектаклю. Что страх — это не истерика, а тонкий инструмент, настройка которого требует точности ювелира и холодного ума стратега.

И такой специалист стоил дорого. Очень дорого. Его контракт не мог быть простым соглашением. Он должен был быть идеальным отражением этого нового понимания — детальным, исчерпывающим, исключая любую возможность повторения балаганного провала Балгора. Каждое «не полностью», каждое «без порчи», каждый пункт о психоэмоциональном ущербе скоту — всё это было не бюрократическим параноидальным бредом. Это были швы на теле прошлой ошибки. Стальной каркас, который не даст новой угрозе развалиться в клочья и в очередной раз осмеять священный ужас.

— Ликвидируйте текущий актив, — тихо распорядился Севериан. — По сценарию «Героическое низвержение». Пусть это будет громко, зрелищно и окончательно. Никаких намёков на некомпетентность. Только торжество Света над устаревшим, примитивным Злом.

— Понимаю, ваше преосвященство. А затем?

— Затем, — Севериан наконец повернулся, и его взгляд упал на лежащий на столе чистый, тяжёлый лист гербовой бумаги, — мы найдём того, кто не будет гоняться за курицами. Мы составим контракт. В котором будет прописано всё. Абсолютно всё. От температуры пламени до степени допустимого морального унижения героя. Мы купим не злодея. Мы купим гарантию. Гарантию того, что страх, наконец, начнёт приносить дивиденды.

Он подошёл к столу, и его перо, не дрогнув, вывело на бумаге первые слова будущего документа: «Сторона 1, именуемая в дальнейшем «Заказчик»...»

Внизу, на площади, уже слышались дежурные фанфары и крики наёмных паладинов, готовивших «эпическую развязку» для Балгора Пустозвона. Скоро тут будет чисто. Готовилась сцена.

Осталось найти главного актёра. Того, кто прочтёт контракт до последней сноски, усмехнётся этой жёсткой, безупречной логике — и подпишет его. Потому что найдёт в ней ту самую, недостающую всем предыдущим, профессиональную целостность.

Спектакль должен был продолжаться. Но на новом, качественно ином уровне. Цена ошибки была теперь слишком хорошо известна. И она была впечатана в каждый пункт, каждую строку, каждую букву будущего договора с человеком по имени Сайрус Грейм.

[Глава 1. Лицензия на зло]

Сайрус Грейм ехал по дороге, которую ненавидел. Не потому, что она была плохой — как раз наоборот, слишком уж хорошей для этой задрипанной провинции. Аккуратная брусчатка, свежевыкрашенные верстовые столбы, даже придорожные цветы, по всей видимости, подстригали.

Чертова декорация.

Его повозка — чёрная, без украшений, запряжённая двумя скептически настроенными воронами-исполинами — скрипела по этому благолепию с таким звуком, будто материлась на забытом языке. Сайрус сидел, откинувшись на сиденье, и смотрел на мир сквозь призму профессиональной усталости. Ему было плевать на живописные холмы.

Он видел ландшафт потенциальных операций: там удобно устроить засаду, тут — эффектно появиться в клубах дыма, на том пригорке паладины будут смотреться идиотами.

В голове крутилась одна мысль, навязчивая, как церковный гимн: раньше зло творили от души. По призванию. С катарсисом, с надрывом, с эпическим смехом, от которого стёкла трескались.

Теперь — по регламенту. С предварительной сметой и обязательным страхованием гражданской ответственности.

— Шоу, — тихо произнёс он себе под нос. Ворона-исполин слева обернулась, карим глазом полным немого вопроса. — Молчи, Гнус. Мне виднее.

Он не был психом.

Это было важно.

Психи работали халявно, портили рынок, ломали цены и в конце концов их же и прибивали какие-нибудь пятнадцатилетние избранные с кривой косой и кривой же моралью.

Сайрус был специалистом. Разница примерно, как между тем, кто кидается гнилью, и тем, кто составляет диаграммы эффективности различных типов гнили для решения конкретных тактических задач.

Впереди показался блокпост. Конечно. Ни одна поездка по Империи не обходилась без этого прекрасного ритуала.

Блокпост был образцово-показательный: белая будка, вылизанная до блеска, флаг Светлой Церкви, два стражника в латах, которые сияли так, что больно было смотреть. И один человек в серой рясе, с папкой. Всегда один человек с папкой. Клонировали их, что ли?

Повозка остановилась. Гнус и её напарница, Вшивец, испустили синхронный вздох, полный птичьего презрения.

Человек в рясе подошёл, не торопясь. Молодой, с аккуратными усиками и пустым взглядом бюрократа, который уже забыл, зачем он здесь вообще был приставлен.

— Добрый день, — сказал он без интонации. — Проверка документов.

Сайрус молча протянул ему сложенный пергамент, даже не слезая с повозки.

Тот развернул, пробежался глазами. Брови поползли вверх.

— Тёмный Архизлодей... четвёртой категории? — в голосе прозвучало сомнение. Видимо, ожидал чего-то более зрелищного. С рогами, что ли.

— Лицензия действительна, печать есть, — отозвался Сайрус. — Страховка — на обороте, пункт седьмой. Категория угрозы прописана в приложении «А». Вопросы?

Стражи переглянулись. Усики у человечка дёрнулись.

— Цель визита в Приграничные земли?

— Работаю, — Сайрус вздохнул. — У вас же тут деревня Болотное, кажется? По плану на этой неделе должен быть налёт, создание очага контролируемой паники и похищение одной

девицы репродуктивного возраста без порчи товара. Всё согласовано с вашим региональным офисом, запрос №457. Могу продиктовать.

Наступила пауза. Один из стражников неуверенно почесал под шлемом.

— У вас... очень подробно, — пробормотал чиновник.

— Я профессионал, — пояснил Сайрус. — А профессионалы работают по инструкции. Иначе получается любительщина, а за любительщину, — он сделал маленькую паузу для драматизма, — у вас отчитывается не ваш отдел, а отдел по расследованию незаконной магической деятельности. А у них, я слышал, план по штрафам.

Лицо чиновника побледнело. Он судорожно пролистал свою папку, что-то проверил.

— Всё... всё вроде верно. Но процедура требует...

— Процедура требует, чтобы вы поставили галочку и отпустили меня, — мягко перебил Сайрус. Он наклонился вперёд, и его голос приобрёл лёгкий, почти дружеский оттенок стальной пилы. — Смотрите. Если вы задержите меня здесь ещё, скажем, на двадцать минут, я опоздаю. План сорвётся. Деревня Болотное не получит свой запланированный, регламентированный и безопасный на семьдесят процентов ужас. И знаете, что бывает с деревнями, которые не получают плановый ужас?

Он сделал театральную паузу. Чиновник замер.

— Туда приходит непланный. Самодельный. Какой-нибудь местный ушлёпок с амбициями и криво прочитанным гримуаром. Или, что хуже, настоящий фанатик, который верит в честь Тьмы и прочую хрень. И тогда, мой друг, — Сайрус показал пальцем на его папку, — вам придётся заполнять не этот миленький формуляр, а отчёт о чрезвычайном происшествии. Со списками погибших. С описанием ущерба. С вопросами от вашего начальства, почему вы, собственно, профукали контролируемое зло и получили неконтролируемое.

Тишина зависла и усилилась. Чиновник сглотнул. Даже стражники выглядели задумчивыми.

— Я... я просто должен сверить печати, — слабо пробормотал серый человечек.

— Сверите по пути, — Сайрус щёлкнул языком. Вороны-исполины, почуяв слабину, тронулись с места, едва не задев крылом поблёскивающую каску. — Удачи с бумажками.

Блокпост остался позади. Сайрус откинулся на сиденье, чувствуя знакомую горечь во рту. Не триумф. Просто ещё один пройденный рубеж идиотизма.

Дорога понесла его дальше, мимо полей, где крестьяне, не отрываясь от грядок, покорно кланялись каждому проезжающему в церковных цветах экипажу.

Мимо усадьбы какого-то боярина, на воротах которой красовался герб и надпись «Здесь живёт Герой Третьего Рода (Запасной)».

Мимо придорожной часовни, где торговец за столиком продавал «освящённые амулеты от сглаза и регламентированного зла» — видимо, церковный франчайзинг работал без перебоев.

«Империя», — мысленно констатировал Сайрус. Грязь, прикрытая позолотой. Страх, упакованный в бюрократию. Герои, которые наследуют профессию, как кривые носы или поместья. И народ, который уже настолько привык к этому театру, что волнуется, если спектакль срывается.

Им нужен враг. Предсказуемый. Удобный. Как по расписанию.

Он вспомнил одного старого архизлодея второй категории, с которым пересекался лет десять назад. Тот всё рыдал в хмельном угаре о «потерянной романтике Тьмы», о «вкусе настоящего страха».

Сайрус тогда вежливо промолчал.

А теперь этого старика уже не было. Лицензию отозвали за «несоответствие стандартам безопасности и излишний креатив». Выкинули на свалку истории, как отработанный реквизит.

Мысли прервал резкий свист. Сверху, с низко летящего церковного гонца-скарла, ему прямо на колени свалился свёрток, обтянутый белой кожей и перевязанный золотым шнуром.

Скарл — летающий магический аппарат, используемый Церковью для срочной доставки сообщений, не снижая скорости, умчался прочь.

Сайрус развязал шнур. Внутри лежал лист идеального пергамента и маленький, холодный серебряный диск с печатью — переплетённые солнце и жезл.

Светлая Церковь. Высший уровень.

Текст был лаконичен, без приветствий и любезностей:

«Сайрусу Грейму, обладателю действующей лицензии АЗ-4.

Приглашаем на аудиенцию для обсуждения долгосрочного контракта.

Координаты прилагаются.

Время: завтра, восход.

Опоздание приравнивается к отказу».

Ни имени, ни ранга. Только печать и сухой, как удар посоха, тон.

Сайрус посмотрел на печать, потом на дорогу, уходящую в сгущающиеся сумерки. Никакого восторга. Никакого страха. Просто усталое, давно ожидаемое понимание.

— Ну конечно, — тихо сказал он пустому воздуху. — Крупные игроки. Надо же, какой сюрприз.

Он сунул приглашение во внутренний карман плаща, щёлкнул вожжами. Вороны-исполины каркнули что-то невразумительное и прибавили шагу.

Декорации кончились.

Пора было знакомиться с постановщиком спектакля.

[Глава 2. Светлый кабинет и тёмный договор]

Повозку с воронами-исполинами встретили у ворот, которые были не воротами, а просто двумя белыми плитами, вросшими в землю. Ни щелчка, ни скрипа — они разъехались, когда Сайрус подъехал вплотную. За ними виднелась дорога, выложенная гладким, молочного оттенка камнем. Ни травинки, ни соринки.

— Парковка для посетителей слева, — произнёс беззвучный голос, исходящий, видимо, из самого воздуха.

Сайрус посмотрел на указанное место — идеальный квадрат белого гравия. Рядом ни души. Ни конюхов, ни стражников. Только тишина.

— Ладно, девочки, ждите, — сказал он, спрыгивая и глядя на своих пернатых спутниц. — Не трогайте гравий. Он, вполне возможно, дороже вас обеих.

Гнус хрипло каркнула, выражая полное презрение к эстетике.

Сайрус двинулся внутрь.

Здание было не то, чтобы огромным... Зато совершенно определённо абсолютно чистым. Ни колонн, ни витражей, ни позолоты. Белые стены под бежевой крышей. Никаких символов, кроме той же печати — солнце и жезл — над входом.

Дверь была уже открыта.

Внутри был просторный холл, пустой до звенящего перфекционизма. Пол — тот же безупречный камень, что и снаружи, отполированный до состояния холодного, молочного зеркала.

Свет лился откуда-то сверху, рассеянный, без теней и тёплых бликов, будто его отмеряли литрами для оптимальной производительности труда. Ни скамеек для усталых паломников, ни свечей для показательного рвения, ни проповедников для фонового гула. Только тишина, настолько гулкая, что в ней отчётливо слышалось биение собственного сердца.

«Великолепно, — подумал Сайрус, идя к единственной другой двери в глубине.

Его шаги отдавались короткими, чёткими щелчками, будто он нарушал тишину цехового цеха.

«Здесь не молятся. Здесь составляют квартальные отчёты для Бога, сводят дебет с кредитом на весах вечности и утверждают сметы на чудеса».

Дверь была из матового стекла. Она отъехала в сторону, как только он приблизился.

Кабинет.

Сайрус на мгновение замер, оценивая. Комната квадратная, метров двадцать на двадцать. Одно окно во всю стену, выходящее на... белый туман или на специально выращенную облачность. Светло, но не слепяще.

«Любопытно».

Из мебели тут были только стол, да два кресла. Ни книг, ни карт, ни сейфов, ни даже ручки на столе. Стол был пуст, если не считать одного пергамента, сложенного втрое.

За столом сидел человек.

Севериан Люксариус выглядел так, как будто его нарисовали по техническому заданию «идеальный администратор». Высокий, худой, в простом одеянии цвета слоновой кости. Белые волосы, уложенные с геометрической точностью. Лицо — без морщин, но и без молодости. Глаза — светло-золотые, как монеты. Он не поднял взгляд, когда Сайрус вошёл. Он изучал что-то за окном, в той белой пустоте.

— Садитесь, — сказал Севериан. Голос его был ровным, тихим, без приветливости.

Сайрус сел в кресло. Оно оказалось на удивление удобным. Не слишком мягким, не слишком жёстким. Расчётливо комфортным.

Севериан, наконец, перевёл на него взгляд. Оценивающий. Словно бы не содержащий интереса, но зато с особым вниманием.

— Вы опоздали на сорок семь секунд, — констатировал он. — Почти минута. Интересное расхождение с заявленной вами в анкете пунктуальностью.

— Парковка была без указателей, — парировал Сайрус. — Пришлось угадывать, где можно, а где нельзя ставить повозку со злом. Не хотел нарушать дизайн.

— Дизайн не нарушен. Вы поставили её правильно.

Пауза. Севериан сложил пальцы перед собой. Руки его были безупречно чистые, без украшений.

— Вы знакомы с нашей структурой? — спросил он.

— Достаточно, чтобы знать, что вы не занимаетесь благотворительностью, — ответил Сайрус. — И что вы не позвали бы меня, если бы не было проблемы. Или возможности.

— Возможности, — повторил Севериан, как бы пробуя слово на вкус. — Да. Возможность оптимизировать процесс.

Он откинулся в кресле. Движение было плавным, лишённым суеты.

— Людям нужны ориентиры, — начал он, и Сайрус понял, что это и есть начало переговоров. — Свет. Тьма. Добро. Зло. Привычные категории. Без них они теряются. Начинают выдумывать своё. А самостоятельность — она всегда дороже и грязнее.

Сайрус кивнул, не прерывая.

— Страх — полезный инструмент, — продолжал Севериан. — Он концентрирует внимание. Объединяет. Заставляет искать защиту. Но неконтролируемый страх... это хаос. А хаос — это убытки. Материальные, репутационные и политические.

Он говорил так, будто читал вслух инструкцию к сельскохозяйственному оборудованию.

— У вас есть враги, — констатировал Сайрус.

— У Империи есть враги, — поправил его Севериан. — Но настоящие враги — непредсказуемы. Они действуют вне графика. Ломают планы. Создают незапланированные расходы. Нам нужен... стабильный фактор. Постоянная величина в уравнении.

— Злодей по расписанию, — уточнил Сайрус.

— Контролируемый источник угрозы, — сказал Севериан, не моргнув. — С предсказуемыми действиями, измеримыми последствиями и чёткими рамками. Угроза, которая не уничтожает систему, а... поддерживает её тонус.

Сайрус почувствовал, как уголки его рта сами собой поползли вверх. Эта улыбка скорее походила на оскал, чем на что-либо другое.

— Вы хотите нанять меня, чтобы я пугал ваше стадо ровно настолько, чтобы оно шло в ваш загон, — сказал он. — Без лишнего шума. Без настоящих жертв. По графику.

— Мы хотим заключить контракт на предоставление услуг по созданию и поддержанию контролируемого уровня внешней угрозы, — отчеканил Севериан. — Со всеми вытекающими: страхованием, отчётностью, соблюдением стандартов безопасности.

Сайрус присвистнул. Тихо.

— Прямо и без патетики. Мне нравится. Но давайте уточним рамки. Кто отвечает за героев? За тех, кто будет приходить меня «останавливать»?

— Герои — наш актив, — ответил Севериан. — Мы обеспечиваем их подготовку, экипировку и... мотивацию. Риски, связанные с их действиями, лежат на нас.

— А если какой-нибудь юнец с мечом, переполненный рвением, выйдет за рамки сценария? Реально попытается меня убить?

— Тогда вы имеете право на самооборону в пределах, оговоренных в приложении «Б», — сказал Севериан. — Мы страхуем жизнь и здоровье всех официально зарегистрированных героев. Компенсация за вред, причинённый им сверх нормы, будет вычтена из вашего вознаграждения.

— А если страх, который я создаю, перестанет быть управляемым? — спросил Сайрус, наклоняясь вперёд. — Если деревня, вместо того чтобы молиться, начнёт, скажем, пытаться договариваться со мной напрямую? Или просто перестанет бояться?

Севериан смотрел на него не моргая.

— Тогда это будет считаться нарушением качества предоставляемой услуги. И повлечёт пересмотр условий контракта. Вплоть до расторжения.

— А кто платит за ваши косяки? — врезал Сайрус прямо, без предисловий. — Если ваша пропаганда даст сбой? Если народ начнёт задавать неудобные вопросы? Если вдруг окажется, что ваш светлый герой — мудака, простите мой французский, и все это увидят? Кто покрывает репутационные потери?

В комнате повисла тишина. Не та, что была раньше. Напряжённая, плотная.

Севериан ничего не ответил. Он просто смотрел. Его золотые глаза, казалось, взвешивали каждую клеточку Сайруса, оценивая степень угрозы, уровень компетентности, стоимость на рынке.

Потом он улыбнулся.

Это не была дружеская улыбка. Не была она и вежливой.

Это был холодный, расчётливый оскал хищника, который только что обнаружил в своей клетке не овцу, а другого хищника. И это его... заинтересовало. В экономическом смысле.

— Вы задаёте правильные вопросы, — сказал Севериан. Его улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. — Это хорошо. Означает, что вы понимаете масштаб. И риски.

Он положил руку на сложенный пергамент на столе.

— Детали мы обсудим с нашим юридическим и медицинским подрядчиком. Контракт будет включать все необходимые приложения: графики операций, лимиты ущерба, протоколы взаимодействия с героями, условия страховки. Ваше вознаграждение будет привязано к ключевым показателям эффективности: уровень регистрируемого страха, рост пожертвований в местных храмах, отсутствие несанкционированной магической активности в зоне вашей ответственности.

Сайрус слушал, отмечая про себя ключевые пункты. Не то, чтобы он слышал это впервые — в других провинциях, под властью других церквей или магократий, формулировки были схожи. Но здесь, в сердце Империи, процесс был доведён до безупречного, отполированного до блеска абсурда. Это была инженерия страха. И в этом холодном совершенстве была своя, извращённая эстетика.

— А что насчёт... творческой свободы? — спросил он, делая ударение на слове «творческой».

— В рамках утверждённых сценариев — ваши методы нас не интересуют, — ответил Севериан. — Главное — результат и соблюдение рамок. Мы не покупаем фанатизм. Мы покупаем услугу.

Он отодвинул пергамент к краю стола.

— Контракт будет готов к подписанию через три дня. До этого вы можете ознакомиться с черновиком и внести свои правки — в пределах разумного. Мы не торопимся.

Сайрус встал. Его колени слегка похрустели. Он почувствовал усталость — ту, что накапливается от разговоров с людьми, которые видят мир как набор цифр и статей расходов.

— Понял, — сказал он. — Жду черновик. И медицинского подрядчика. Хочу посмотреть, кто будет собирать мои кости, если ваш герой-пенсионер махнёт мечом не туда или с большим рвением.

Севериан кивнул, уже снова глядя в белую пустоту за окном.

— Вам покажут выход.

Аудиенция была окончена. Без рукопожатий, без любезностей, без пожеланий хорошего дня.

Сайрус вышел в белый холл, и дверь за ним бесшумно закрылась. Он шёл по бесконечному камню, и его мозг уже составлял список вопросов к юристам, расчёт оптимального уровня страха на квадратный километр и примерную стоимость репутационного ущерба Церкви, если всё пойдёт по плану.

Он сел в повозку. Гнус и Вшивец смотрели на него с немым вопросом.

— Всё нормально, девочки, — сказал Сайрус, дёрнув вожжи. — Просто бизнес. Обычный тендер на поставку ада.

И только когда белое здание скрылось из виду, он позволил себе широко, по-волчьи ухмыльнуться.

Церковь была идеальным заказчиком: рациональным, циничным и ясно понимающим продукт. Они боялись только потери контроля. Это делало их предсказуемыми.

Но именно в этой безупречной предсказуемости и таился подвох.

Такие клиенты никогда не довольствуются просто исполнением контракта. Они будут выжимать из него каждую оговорку, каждый пробел в мелком шрифте. Работа с ними — это постоянная игра на грани фола.

Сайрус дёрнул вожжи, направляя ворон к постоялому двору.

Он предвкушал чтение контракта. Мелкий шрифт был его территорией. Но в этот раз он ловил себя на мысли, что ждёт не просто подвохов, а их каверзных происков. Той единственной, идеально замаскированной ловушки, которая превратит исполнителя в собственность.

Он почти надеялся её найти. Иначе было бы...

...просто скучно.

[Глава 3. Условия, мелкий шрифт, некромант]

Комната для подписания напоминала актовъй зал муниципальной управы после того, как оттуда вынесли всё, что могло намекать на индивидуальность.

Стол, три стула, чернильница, перо. Окно, затянутое матовой плёнкой, превращало закат в равномерное серое свечение.

Сайрус стоял у этого окна, размышляя о том, сколько именно медиумов в месяц умирает от уныния, работая в таких помещениях.

Дверь открылась беззвучно. Вошёл, конечно же, не сам Севериан, а его тень в человеческом обличье. Вошедший был мужчиной в строгом камзоле цвета старого пергамента, с лицом, на которое, видимо, забыли надеть утром выражение.

Он нёс папку. Толстую.

— Господин Грейм. Прошу, — тень указала на стул. Голос у него был тихий, и как будто шелестящий.

Сайрус сел. Тень разложил перед ним документы. Не один лист, а целую стопку. Шрифт был таким мелким, что текст сливался в сплошную серую полосу. Сайрус почувствовал лёгкий прилив уважения. Оформить порабощение души в виде технического норматива — это талант.

— Давайте пройдемся по ключевым пунктам, — начал тень, доставая указку из воздуха. — Раздел первый: «Оперативные мероприятия и лимиты ущерба». Подраздел «А». Поджоги.

Он посмотрела на Сайруса своими ничего не содержащими глазами.

— Пункт 1.1. Допустимая степень термического воздействия на строения сельского типа. Уточнение: «Не полностью». Это означает...

— Это означает, — перебил Сайрус, — что если изба, условно, имеет десять венцов, то я могу спалить от трёх до пяти. В зависимости от её страховой стоимости, возраста хозяйства и сезонности. Зимой — меньше, ибо гибель от холода считается несанкционированной смертностью. Летом — можно до шести, но не затрагивая несущие конструкции. Чтобы было, что восстанавливать на следующий налоговый период. Так?

Тень моргнул. Его пальцы слегка дёрнулись.

— Вы... знакомы с редакцией прошлого года?

— Я знаком с логикой, — сказал Сайрус. — Продолжайте.

Тень сухо кашлянул.

— Пункт 1.2. Запрещённые методы. Сюда входит, но не ограничивается: использование самовозгорающихся фантомов выше третьего класса, призыв элементалей в населённых пунктах, спонтанная человеческая комбинация...

— «Спонтанная человеческая комбинация»? — переспросил Сайрус, подняв бровь.

— Превращение жертв в живые факелы без предварительного уведомления и отдельной страховки, — монотонно пояснил тень. — Это считается излишним креативом. Пункт 1.3. Материальный ущерб. Компенсация за уничтоженное имущество вычитается из вашего вознаграждения, если вы превысите лимиты из приложения. Деревья, являющиеся памятниками природы, жечь нельзя вообще. С памятными табличками — особенно.

— Понял. Будем жечь только безликие хвойные и нажитое непосильным трудом, — кивнул Сайрус. — Далее.

— Подраздел «Б». Похищения. Пункт 2.1. «Без порчи товара». Расшифровка: физическое и психическое здоровье похищаемого должно оставаться в границах, допускающих его возвращение в общество без длительной и дорогостоящей реабилитации. Запрещены: пытки, длительная изоляция в условиях, способствующих развитию фобий, кормление несъедобными субстанциями...

— ...пока не истекут первые семь дней стандартного страхового случая, — закончил за неё Сайрус. — После седьмого дня ответственность делится пополам, а после четырнадцатого полностью переходит на страховщика. Я в курсе. Я обычно кормлю вполне съедобными субстанциями.

Тень смотрел на него с едва уловимым подобием разочарования. Видимо, рассчитывал на более оживлённую дискуссию.

— Пункт 2.2. Целевые демографические группы. Предпочтительны: девушки репродуктивного возраста от 18 до 25 лет, без хронических заболеваний, не обручённые. Юноши той же категории допускаются, но коэффициент выплаты за них ниже на 15%, ввиду меньшего общественного резонанса.

— Сексизм, оформленный в виде экономической эффективности. Мило, — проворчал Сайрус. — А дети? Старики?

— Дети — только с письменного согласия родителя или опекуна, и исключительно в дневное время, с обязательным возвратом до заката. Старики старше семидесяти — запрещены. Риск естественной смерти во время операции слишком высок и ведёт к автоматическому расследованию.

— Боже, спасибо хоть за это, — иронично вздохнул Сайрус. — Я бы не пережил, если бы дедушка на моих руках отдал концы от старости. Репутационные потери.

Тень проигнорировал комментарий.

— Подраздел «В». Взаимодействие с героями. Пункт 3.1. «Не калечить без согласования». Согласование должно быть получено от уполномоченного представителя Церкви не менее чем за шесть часов до предполагаемого конфликта. Список утверждённых травм приведён в приложении.

Сайрус протянул руку. Тень, немного растерянно, передал ему папку. Он нашёл приложение. Просмотрел.

— Переломы рёбер первой и второй степени... допустимы, — читал он вслух. — Вывих плеча — допустим, но только не ведущей руки. Потеря пальца — только мизинца, и только левой руки. И только если герой не является профессиональным музыкантом или переписчиком... Господи, вы это всё всерьёз?

— Всякая деятельность должна быть регламентирована, — без тени смущения ответил Тень. — Это защищает обе стороны от судебных исков.

— Отсюда и пункт 3.4, я полагаю? — Сайрус ткнул пальцем в текст. — «Запрещено наносить травмы, унижающие достоинство героя или подрывающие его публичный образ». То есть, отрезать ему ухо можно только сзади и так, чтобы шрам был скрыт волосами?

— В общих чертах, да.

Сайрус откинулся на стуле, и тихий, хриплый смешок вырвался у него из груди.

— Великолепно. Просто великолепно. Вы превратили апокалипсис в канцелярский планер. Я восхищён. И немного хочу вырвать себе глаза. Но в основном восхищён.

В этот момент дверь открылась снова. На этот раз — с лёгким скрипом, что в этой вылизанной тишине прозвучало почти кощунственно.

[3.1]

Вошедший мужчина выглядел так, будто его только что вытащили из-под завала старых фолиантов и лабораторного оборудования. Лет за сорок, крепкого сложения, но сутулый, будто постоянно наклонялся над чем-то мелким. Волосы тёмные, неопрятные, с проседью. Под глазами залегли фиолетовые тени такой глубины, что, казалось, в них можно потерять мелкий инструмент.

На нём был длинный кожаный передник, испещрённый пятнами — одни бурые, другие неестественно зелёные. От него пахло... не смертью. Смерть пахнет проще. От него пахло сложным химическим процессом, в котором смерть была лишь одним из реагентов.

Он вошёл, не глядя ни на тень, ни на Сайруса, поставил на стол металлический чемоданчик с потёртыми углами и щёлкнул застёжками.

— Морвий Костелом, — отрекомендовался он голосом, в котором хрипел невыкуренный дешёвый табак. — Медицинское обеспечение. Севериан сказал, нужен предварительный осмотр. Садитесь.

Он махнул рукой в сторону Сайруса, даже не взглянув, доставая из чемоданчика приборы странного вида: щипцы с увеличительными стёклами, пузырёк с мутной жидкостью, тонкую серебряную иглу.

Тень в камзоле внезапно оживился.

— Доктор, мы как раз ведём обсуждение ключевых разделов...

— И прекрасно сделаете без меня, — перебил Морвий, наконец-то подняв на него взгляд. Его глаза были цвета влажного асфальта, усталые и абсолютно спокойные. — Мне нужен его анамнез и текущие показатели. Или вы хотите, чтобы в следующий раз, когда ваш платный ужас схватит радикулит посреди ритуального жертвоприношения, я лечил его вслепую?

Тень закрыл рот, явно не найдя контраргументов в своих инструкциях. Морвий снова обратился к Сайрусу.

— Садитесь. Снимите верх.

Сайрус, слегка ошарашенный этой бесцеремонностью, скинул плащ и расстегнул рубаху. Комната была прохладной. Морвий подошёл, его движения были резкими, но точными.

— Старая работа, — ткнул он холодным пальцем в шрам под левой ключицей Сайруса. Длинный, тонкий, белый. — Колющий удар, смещённый вбок. Палец в рану засовывали? Неквалифицированно.

— Это был паладин, — сказал Сайрус. — Он очень старался.

— Вижу. Регенерацию делали на скорую руку, волокна срослись кое-как. Будет ныть перед дождём. Спина.

Сайрус повернулся. Послышалось неодобрительное цоканье языком.

— Ожоговая площадь, степень два-три. Магический, судя по рисунку. Лечили припарками? Идиоты. Остались спайки. Повернитесь.

Морвий взял его за запястье, прижал палец к пульсу, глядя куда-то в пространство над его плечом.

— Пульс в норме. Для вашего возраста и образа жизни — даже хороший. Руки.

Он взял руки Сайруса, перевернул ладонями вверх, изучая линии и старые мелкие шрамы. Его прикосновения были быстрыми, без лишнего давления.

— Правша. Суставы в порядке, хондроза нет, несмотря на постоянное ношение перчаток с усилением. Умно. Левый мизинец — ломанный, плохо сложен. Бой на палицах?

— Падение с горгульи, — честно признался Сайрус.

— Банально. Откройте рот.

Щипцы с увеличительными стёклами оказались перед его лицом. Морвий заглянул ему в рот, побряхтел.

— Зубы целы, дёсны в порядке. Кариеса нет. Чистите?

— Регулярно. Порошком из толчёного черепа средноморского бабуина, как положено.

Впервые что-то похожее на усмешку шевельнулось в углах рта Морвия.

— Миф. От толчёного черепа только эмаль тускнеет. Плевать в чашу.

Сайрус покорно плюнул в маленькую фарфоровую чашку, которую ему подставили. Морвий капнул туда из пузырька, жидкость помутнела, затем дала слабый синий отсвет.

— Остаточный фон некротической энергии в пределах допустимого. Не злоупотребляете призывами. Хорошо. Нагните голову.

Холодная серебряная игла коснулась его шеи сзади, у основания черепа. Лёгкий укол, почти не больно.

— Забор ликвора для проверки на ментальное заражение и стороннее влияние, — пояснил Морвий, отодвигаясь и убирая иглу в специальный футляр. — Результаты через час. В целом... — Он отошёл, вытер руки о передник. — Механизм поизношен, но на ходу. Коленки?

— Похрустывают, — сказал Сайрус, натягивая рубаху.

— С возрастом у всех. Мажьте змеиным жиром на ночь, глупо, но работает. Главное — не берите синтетический, от него печень отваливается. Ваш контракт включает ежеквартальный осмотр и неотложную помощь. Смертельные случаи, само собой, не покрываются. Я не бог. Только тяжёлые травмы, отравления и профессиональные заболевания. Вроде атрофии совести или хронического цинизма.

Он сказал это с такой мёртвой серьёзностью, что Сайрус не сразу понял, шутит ли он.

— А цинизм у меня в хронической форме? — поинтересовался он, застёгивая плащ.

Морвий взглянул на него своими уставшими глазами.

— У всех, кто дольше пяти лет работает с Церковью по контракту, он в хронической форме. Это не болезнь. Это здравый смысл. Держите.

Он протянул Сайрусу маленькую чёрную таблетку.

— Что это?

— Обезболивающее. На случай, если ваш следующий «герой» всё-таки попадёт вам по рёбрам. Согласовано по приложению, но неприятно. Принимать не больше двух в день. Передозировка ведёт к временной потере способности испытывать страх. Для вас это профнепригодность.

Сайрус взял таблетку, спрятал в карман.

— Спасибо за заботу.

— Не за что. Это моя работа. Как жечь избы — ваша. — Морвий захлопнул чемоданчик, взглянул на тень, которая замерла в ожидании. — Я закончил. Он годен. Подписывайте ему что угодно.

И с тем же скрипом двери он вышел, оставив за собой шлейф запаха консервации и горького миндаля.

В комнате снова повисла тишина. Теперь другая. Не та, что была до этого. Теперь она была... проще.

[3.2]

Тень откашлялся, пытаясь вернуть утраченные позиции.

— Итак... где мы остановились? А, пункт 3.4. О достоинстве героя...

— Давайте пропустим детали, — сказал Сайрус, и его голос прозвучал устало, но твёрдо. — Я понял суть. У вас есть система. Она подробная, душная и абсолютно логичная в рамках вашего безумия. У меня есть навыки. Я не собираюсь жечь лишнего, калечить без спроса и пугать до инфарктов. Потому что это неэффективно, дорого и портит статистику. Вы хотите контролируемый страх — вы его получите. Я же хочу чёткие правила и оплату, и я их получаю.

Сайрус протянул руку к перу. Вопреки своим принципам, надо добавить.

Он сделал движение, будто собираясь взять его, но рука зависла в воздухе. Его взгляд, почти против воли, скользнул по плотным колонкам текста на последней странице. Что-то там мелькнуло. Крошечная звёздочка сноски. Его пальцы, сами собой, перевернули страницу назад. Потом ещё одну.

Тень замер.

— Господин Грейм?

— Минуту, — буркнул Сайрус, не отрывая глаз. Его взгляд зацепился за абзац. Потом за следующий. Уголки его губ дёрнулись. — Вы... вы серьёзно в пункте 4.7 предусмотрели компенсацию за «психоэмоциональный ущерб домашним животным, непосредственно наблюдающим за актом злодеяния»? С отдельной градацией для кошек и собак?

— Это стандартная практика для предотвращения судебных исков от чрезмерно...

— Молчите, — отрезал Сайрус, и в его голосе зазвучал странный, хищный интерес. Теперь уже и речи не шло о пропуске хоть чего-то.

Он пролистал назад, нашёл перекрёстные ссылки. — «...и за исключением случаев, когда упомянутое животное является фамильяром, зарегистрированным в...» Ага. И конечно, приложение с формулами расчёта ущерба для животных с разным уровнем магической чувствительности...

Он снова протянул руку к перу. Остановился. Повисла пауза, настолько плотная, что даже Тень перестал дышать, ожидая кульминации.

А потом Сайрус руку отдернул. Медленно, с наслаждением, как от почти выпитой чаши, в которой обнаружился осадок.

— Нет, — сказал он тихо, и это прозвучало громче крика. — Не-ет. Так не пойдёт.

Тень заморгал не понимая.

— Простите? Контракт вас не устраивает? Но мы...

— Контракт меня устраивает, — устало перебил Сайрус. Его голос приобрёл маслянистую, ядовитую текучесть. — Не торопите. Приложения. Графики. Протоколы взаимодействия на случай, если во время ритуального осквернения часовни у местного попа случится приступ геморроя. Это же поэзия. Не хотите же, чтобы я это пропустил?

Тень открыл рот, закрыл. Похоже, в его алгоритмах не было ветки «нанятый злодей требует продолжить чтение контракта».

— Но... это займёт часы... — пробормотал он.

— У меня их полно, — парировал Сайрус, уже листая страницы. Его глаза бегали по строчкам с быстротой опытного пожирателя казённых бумаг. — О, смотрите-ка! Приложение «Ё». «Порядок возмещения ущерба, причинённого домашним скотом в состоянии аффекта, вызванного легитимными злодейскими действиями». Это гениально. Вы всерьёз прописали коэффициенты для коров и овец отдельно?

— Овцы подвержены панике сильнее, но наносят меньший материальный ущерб, — автоматически отозвался Тень, и тут же сжался, будто выдал государственную тайну.

— Логично! — воскликнул Сайрус с неподдельным восторгом. — А вот это что? «...и в случае причинения морального вреда герою выше третьего ранга путем публичного высмеивания его геральдических символов, штраф удваивается...» Вы подумали обо всём. Я поражён. Или вот, смотрите, — он ткнул пальцем в середину страницы. — Сноска. Крошечная, звёздочка. «Под «не полностью» в пункте 1.1 также подразумевается недопустимость доведения температуры в очаге горения до уровня, способного оплавить колокол весом до 5 пудов, если таковой присутствует в радиусе 50 сажений». Вы... вы написали целый контракт, чтобы какой-нибудь придурок не пытался проверить, плавится ли колокол от его магии? Это уровень предвидения, до которого мне ещё расти и расти.

Он листал, комментировал, хихикал. Он погрузился в этот мелкий шрифт, как гурман в редкое вино.

— Я подпишу, — заявил он наконец, отрываясь от текста. Его глаза блестели холодным, почти профессиональным восхищением.

Он в очередной раз взял перо. Оно было лёгким, холодным. Он обмакнул его в чернильницу. Чернила были густые, чёрные, как разложившаяся ночь и все её тайны.

— Где ставить автограф? — его голос стал деловым и резким. Игра закончилась. Началась работа.

Тень, всё ещё ошеломлённый, медленно перевернул последнюю страницу и указал длинным, бледным пальцем.

— Здесь. И здесь. Печать — после проверки.

Сайрус подписался.

«Сайрус Грейм, АЗ-4».

Ровно, без росчерков. Но каждая буква была выведена с выверенной чёткостью человека, который только что прочёл все правила игры и нашёл в них своеобразную, извращённую красоту.

Теперь у них был контракт.

Точный, полный, не оставляющий места для сантиментов. Сайрус мысленно прикидывал вес этой стопки пергамента — примерно столько же весит чувство долга у среднего святого. Он знал каждый его пункт.

Это не было оружие или дом. Это был чёткий технический регламент предстоящего бардака. И в этой чёткости была единственная доступная ему в этом мире роскошь — определённость.

Он почти с нетерпением ждал, чтобы нарушить первый же пункт. Разумеется, с предварительным уведомлением и в рамках всех установленных приложений.

[Глава 4. Первая деревня по регламенту]

Щит на гнилом столбе был кривой, и дракон на нём больше походил на упитанную ящерицу с несварением. «Болотное».

Сайрус замерил расстояние от края просёлка до первой полуразвалившейся избы — двадцать три шага. Идеально для появления из утреннего тумана, если бы туман был, а не эта тоскливая мокрая дымка.

Он притормозил повозку в двухстах метрах от деревни, за рощицей кривых сосен, которые выглядели такими же уставшими от жизни, как и он сам. Слез, похлопал Гнус по шее.

— Сидите тихо. Залаете — останетесь без требухи на ужин.

Вшивец хрипло каркнула, что явно означало «сам ты требуха».

Операция начиналась. Не с мистических заклинаний, а с бумажной работы. Сайрус достал из седельной сумки сложенный лист пергамента. «Сценарий А-7: Нападение на сельское поселение категории «Бета». Классический утренний налёт».

Пробежал глазами. Предрассветные сумерки — было. Центральная площадь с часовенкой — была. Два периферийных строения — пара сараев с прогнившими крышами на окраине. Допустимый ущерб — не более 35% от оценочной стоимости. Он прикинул. Стоимость этих сараев стремилась к нулю. Тридцать пять процентов от нуля — ноль. Но регламент есть регламент. Значит, жечь только часть крыши и один угол. Для виду.

Визуальный ряд: дым густой, серый, нетоксичный. Огонь — контролируемый, локальный. Силуэт в плаще на фоне зарева.

Сделано, будет сделано и сделано.

Убрал сценарий, достал снаряжение.

Сначала он снял обычный, потертый плащ и достал из походного сундука Другой. Тот был чернее полночного мрака, подбит горностаем цвета сожжённых посевов (согласно сертификату) и стоил как годовой доход этой деревни.

Надел.

Затем — головной убор. Не корона, боги нет, корона — это дурной тон, налог на имидж и лишний вес. Это был шлем. Вернее, наголовье, отдаленно напоминавшее корону, если бы корону ковал садист-кузнец с поэтическим взглядом на анатомию.

Темный металл, острые, как бритва, шипы, расходящиеся вверх, и в центре — огромный, тускло мерцающий аметист, в глубине которого клубилась искусственная, но очень убедительная буря. «Венец Безмолвного Крика», модель «Доминатор». Одобрено комиссией по эстетике устрашения.

Наконец, посох.

Он оперся на «Скипетр Вечного Недовольства» — дубовое древко в два человеческих роста, увенчанное матовым черепом грифона. В пустых глазницах горел холодный, сиреневый огонь, который должен был по техническому заданию «вызывать тревогу и подсознательное отвращение, не провоцируя приступы эпилепсии».

Посох был тяжелым, неудобным и чертовски эффективным. Ровно то, что нужно.

Он двинулся к деревне. Не спеша. Пусть видят. Пусть успеют испугаться.

Рассвет заливал небо грязным золотом. В Болотном уже просыпались: хлопнула дверь, кто-то закашлял, скрипнул колодезный ворот. Мирная картина, на которую Сайрус смотрел как на пустой холст. Пора было нанести первый мазок.

Он вышел на площадь — утопанное грязное пятно перед часовенкой с покосившимся крестом. Остановился по центру. Без спешки воткнул посох в землю. Череп на вершине озаирился ярче, бросив лиловые, прыгающие тени на бревенчатые стены.

Из ближайшего и единственного кабака вышел мужик в портках и одной подтяжке. Нёс ведро. Увидел фигуру в плаще и шлеме с шипами, освещенную зловещим сиянием. Остановился как вкопанный. Ведро замерло в его руке.

Сайрус повернул голову. Аметист в его венце вспыхнул багровым.

— Жители этой жалкой клоаки, именуемой Болотным! — прогремел его голос. Звук был низким, густым, обработанным простенькой резонансной чарой, встроенной в шлем. Он разносился по площади, гулко ударяясь о стены. — Внемлите! Ваше ничтожное существование привлекло внимание Тьмы!

Мужик с ведром не дышал. Его пальцы разжались. Деревянное ведро с глухим стуком грохнулось в грязь.

— Я — Воплощение Вашего Страх! — продолжал Сайрус, широким жестом взметнув руку в черной перчатке. — Я — Тень, что ложится на очаг! Холод, что высасывает тепло из крови! Я пришел не за вашими жалкими душами... Я пришел за вашим покоем! За вашей глупой, тупой уверенностью в завтрашнем дне!

Он ударил посохом оземь. Из точки удара во все стороны побежали трещины черного света — безвредные голографические иллюзии, но смотрелись отлично. Воздух затрещал от статики.

— Смотрите! — взревел Сайрус, указывая перстом на один из дальних сараев. — Смотрите на тлен и прах, каковую участь я готовлю всему, что вы любите! Огонь моего гнева неугасим! Пламя моего презрения испепелит вашу ложную безопасность!

Он вытянул руку, пальцы сжались в кулак. Череп на посохе вспыхнул ослепительно. С вершины посоха вырвался сгусток багрового пламени и со свистом, слышимым на другом конце деревни, помчался к сараю.

Не тонкая искра, а здоровенный огненный шар, оставляющий за собой дымный шлейф.

Удар не только вызвал возгорание соломы, но весь сарай окутался мгновенным, яростным пожаром. Огонь взвился к небу столбом, осветив все вокруг алым, пляшущим светом. Жар волной покотился по площади. Затрещали балки, полыхала крыша. Зрелище было поистине апокалиптическим.

Мужик наконец нашел голос.

— А-а-а-а-а-ааа-ааа-а! — его вопль перекрыл треск огня. Он повалился на колени, затем вскочил и бросился к колоколу у часовни, молотя по нему кулаками, а не веревкой. — Спасайтесь! Всеспасайтесь! Дракон! Демон! Всем конец!

Сайрус внутренне ухмыльнулся. Вот теперь децибелы были в порядке.

Колокол забил в истеричной, неритмичной дробь. Деревня взорвалась хаосом. Выскакивали полуодетые, кричали, бежали, падали. Не организованно, а именно так, как и должно быть при виде истинного, неконтролируемого кошмара. Женщины хватали детей, мужчины бестолково метались, некоторые падали ничком, закрывая головы.

Идеально. Полный эффект присутствия.

Сайрус подождал, пока паника достигнет пика. Пока не появились первые смельчаки с вилами и топорами, глазами полные животного ужаса. Он снова ударил посохом.

— На сегодня — довольно! — прогремел он, и его голос потонул в общем гаме. — Но знайте! Я вернусь! Тень моя всегда рядом! Ваш страх — мой пир! Ваш покой — моя добыча! Молитесь своим жалким светлым богам... если осмелитесь!

Он рванул посох из земли, сделал широкий, размашистый жест, как бы разрывая пространство. В воздухе перед ним вспыхнул и тут же схлопнулся портал из черного огня и сгущающейся тьмы — дорогой, одноразовый иллюзионный свиток, списанный на «операционные расходы». И шагнул в него.

С обратной стороны иллюзии, уже в тени сосен, он услышал, как в деревне его последние слова перерастают в новый визг ужаса. Портал погас с эффектным хлопком.

Сайрус снял «Венец Безмолвного Крика» и вытер со лба пот. Чертова штуковина весила тонну. Сунул посох в повозку — глазницы черепа уже не горели.

Спектакль окончен.

Он достал камень связи, нажал, послал мысленный импульс:

«Операция «Болотное-1». Код 457. Уровень паники: 9 из 10. Визуальный и акустический эффект: максимальный. Ущерб имуществу: один сарай, полное уничтожение. Жертвы: нулевые. Отчёт приложу. Грейм».

Ответ пришел быстро:

«Принято. Отчёт ожидается. Канал закрыт.»

И почти следом — второй импульс, другим, чистым, резким кодом:

«Зрелищно. Чрезмерно. Эффективно. Продолжайте в том же духе.»

Сайрус замер с камнем в руке. «Зрелищно. Чрезмерно». Кто-то оценил не только результат, но и метод. Театральность. Понял, что это был сознательный выбор, а не случайность.

Он сел в повозку, дёрнул вожжи. Гнус флегматично тронулась с места.

— Ну что, — проворчал Сайрус себе под нос, смотря на дорогу, — хаос без структуры — любительство. А вот структурированный хаос, приправленный пафосом по высшему разряду... это уже искусство. И, кажется, кое-кому это искусство понравилось.

Он почувствовал не взгляд, а скорее... одобрителный кивок со стороны невидимого зрителя.

Кого-то, кто понимал цену хорошему шоу.

Это было интереснее, чем он предполагал.

[Глава 5. Герои, которых нельзя убивать]

Перекрёсток у Вороньего Брода никогда не был стратегической точкой. Ни мостов, ни переправ, ни даже приличного кабака. Просто место, где три проселочные дороги встречаются, чтобы разойтись снова, обменявшись пылью и проклятиями.

Церковь выбрала его для «решительного отпора силам тьмы» по двум причинам.

Во-первых, до Болотного отсюда ровно полторы версты. Во-вторых, здесь был холм. Достаточно пологий, чтобы на нём эффектно располагаться, и достаточно заметный, чтобы крестьяне из окрестных деревень могли стянуться поглазеть. А они стянулись.

Сайрус обвёл взглядом импровизированную сцену.

Толпа колыхалась у подножия, как грязное, плохо выбродившее тесто. Мужики с семечками. Бабы с детьми на руках. Торговец пирожками, учуявший наживу. И где-то в задних рядах — парочка хронистов при орденах, торопливо царапающих пергамент.

«Боже, только не фанфары», — подумал Сайрус.

Фанфары грянули.

Они выехали с востока, как того требовал регламент «О порядке явки героических сил». Солнце било им в спину, разгоняя жалкие облака и высвечивая доспехи до ослепительного блеска.

Впереди — знаменосец. Алый стяг с золотым жезлом. За ним — четверо всадников в полированной белизне, латы которых стоили больше, чем весь Вороний Брод вместе с окрестными полями. Лошади — серые в яблоках, идеально подобранные по масти. Сёдла с гербами. Плюмажи из перьев редких небесных цапель.

«Птичек жалко», — отметил Сайрус в блокнот внутреннего цинизма.

Процессия поднялась на холм, развернулась веером. Копыта били дробь. Плащи развевались. Толпа выдохнула восхищённо и синхронно, будто по команде.

Герои спешили.

Первым сошёл тот, у кого меч был самый длинный, а подбородок — самый волевой. Сайрус мысленно присвоил ему категорию «Фронт-универсал, среднее качество, перегружен пафосом».

— Именем Светлой Церкви и всего, что свято! — голос у него оказался поставленный, хорошо натренированный. — Я, сэра Родерик де Во, кавалер ордена Сияющего Копья, наследный барон Медовых Лугов и защитник веры!

Он сделал паузу. Для аплодисментов. Толпа захлопала. Сэр Родерик удовлетворённо кивнул и продолжил:

— С вами также мои доблестные соратники: леди Изабелла, Магистр Эфирных Потоков!

Леди Изабелла оказалась тощей девицей в синей мантии, расшитой звездами. Она приподняла посох, демонстрируя публике кристалл величиной с кулак. Сайрус прикинул. Кристалл фальшивый. Магический резонанс — ноль. В лучшем случае умеет зажигать свечи на расстоянии трёх шагов.

— Сквайр Томас, наследник рода Железного Дуба!

Сквайр Томас был юн, румян и явно мечтал о героической смерти. Доспех сидел на нём мешком, меч висел криво. Сайрус поставил ему «статист с мечом» и вычеркнул из списка потенциальных угроз.

— И брат Себастьян, светский проповедник и хранитель реликвий!

Брат Себастьян был стар, лыс и держал в руках здоровенный напестольный крест, которым, при известной сноровке, можно было прибить вампира. Сноровки у брата Себастьяна, судя по дрожи в руках, было маловато.

Сайрус закончил мысленный аудит и почувствовал сосущую пустоту там, где обычно располагался профессиональный интерес.

Четверо. Лицензированных героев третьей категории — двое, стажёр — один, священник-символист — один.

Суммарная боевая ценность: чуть выше нуля.

Их готовили две недели. Тренировали, снаряжали, писали речи. Итог: дорогостоящая, отполированная до блеска декорация.

«Это не герои, — подумал Сайрус, наблюдая, как сэр Родерик снова принимает эффектную позу, — это движимое имущество. Инвентарные номера с правом ношения меча».

Он шагнул на свет.

Плащ качнулся чёрным крылом. Венец Безмолвного Крика потяжелел на висках — аметист отозвался глухим, мерным пульсом. Посох глухо стукнул оземь, и череп грифона на его вершине распахнул пустые глазницы, наполняя их сиреневым огнём.

— Какая трогательная картина, — произнёс он, и резонансные чары разнесли его голос над площадью, как похоронный звон. — Четыре мотылька летят на пламя. Неужели Свет настолько обнищал, что посылает детей и стариков?

Сквайр Томас побледнел. Меч в его руках дрогнул. Леди Изабелла вскинула посох с преувеличенной решимостью. Брат Себастьян принялся шептать молитву, позабыв осенить себя крестом.

Сэр Родерик шагнул вперёд. Его лицо было багровым.

— Ты ответишь за каждое слово, исчадие!

— Я отвечаю, — Сайрус сделал паузу, обводя взглядом толпу, — А ты, кавалер? Твой меч освящён? Или это просто блестящая железка для парадов?

Сэр Родерик выхватил клинок. Лезвие вспыхнуло белым светом — стандартная иллюминация, вшитая в гарду.

— Освящён! Самим Верховным Иерархом!

— Освящён? — Сайрус склонил голову, разглядывая кавалера с лёгким, почти скучающим интересом. — Самим Иерархом? Почётно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.